

The background of the cover is a detailed illustration of two men standing in an ornate room. On the left, a man in 18th-century aristocratic dress, including a blue coat with gold buttons, a white cravat, and a powdered wig, looks towards the right. On the right, a man in simpler, earth-toned clothing with a beard and curly hair looks back at him. They are positioned in front of heavy red velvet curtains with gold tassels. The floor is made of light-colored wood.

Дамир Янсуфин

**Секрет хромого
великана, или Урок
для Его
Сиятельства**

Дамир Янсуфин

**Секрет хромого великана, или
Урок для Его Сиятельства**

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

Секрет хромого великана, или Урок для Его Сиятельства /
Д. Янсуфин — «Автор», 2026

Граф напыщенный, высокомерный, капризный европейский аристократ, живущий в роскоши в 1726 году. Помешан на манерах, моде и сословных предрассудках. Максимильтян загадочный гость. Поначалу предстает в образе дикого, безграмотного и хромого крестьянина из глухой деревни. Диалог начинается как классическое противостояние высокомерного барина и простого мужика. Граф всячески высмеивает бедность, лапти и простоту Максимильтяна. Однако в ходе беседы крестьянин начинает раскрывать поразительные факты из своей биографии, которые шокируют аристократа. Выясняется, что Максимильтян бывший королевский мушкетер, ушедший во Французские пикинёры из-за неумения стрелять. Затем открывается, что он умеет читать и писать и работает над утопическим романом о справедливом Императоре Уриэле. Настоящий шок граф испытывает, когда узнает, что Максимильтян исполинского роста ветеран элитной Синей гвардии, получивший белую горгеру из рук самого короля Пруссии Фридриха Вильгельма I. Финал происходит сюжетный поворот

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

Секрет хромого великана, или Урок для Его Сиятельства

Глава 1. О том, как Его Сиятельство решил развлечься за чужой счет

Утро в поместье графа де Ламбера начиналось одинаково — с чувства глубокого, почти священного недовольства.

Солнце, дерзко пробивавшееся сквозь венецианские шторы, осмеливалось тревожить покой его сиятельства. Граф поморщился, не открывая глаз. Мир за окном существовал лишь для того, чтобы доставлять ему неудобства. Слишком ярко. Слишком громко поют птицы. Слишком свежий воздух, пахнувший навозом с конюшен, — и это после того, как он лично распорядился высадить вдоль ограды жасмин!

— Камилл! — прохрипел он, не поворачивая головы. — Шторы.

Камердинер, материализовавшийся из тени с бесшумностью привидения, выполнил приказ. Граф медленно, с достоинством человека, несущего бремя древнего рода, приподнялся на подушках.

Его звали Анри-Клод-Филипп де Ламбер, и он был убежден, что Господь создал Францию для того, чтобы в ней жили такие, как он. Все прочие — купцы, крестьяне, лакеи, солдаты, женщины сомнительного поведения и уж тем более иностранцы — существовали лишь как декорации, пыль у подножия величественной статуи аристократии.

— Что у нас сегодня? — спросил он, принимая из рук Камилла чашку шоколада.

— Прибыл управляющий из западного крыла, ваше сиятельство. Докладывает о видах на урожай.

— Скука, — отмахнулся граф. — Пусть подождет.

— Еще... мужик какой-то у ворот.

Граф приподнял бровь.

— Какой мужик?

— Из дальних деревень, говорит, из Простоков. Лапти, тулуп... Просит дозволения осмотреть дворец.

— *Осмотреть?* — граф хмыкнул, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на предвкушение. — *Осмотреть мой дворец?*

Он отставил чашку и поднялся. День, обещавший быть тоскливым, внезапно подарил возможность развлечься.

В малом зале, куда впустили просителя, пахло воском и старым деревом. Граф устроился в кресле у камина, набросив на плечи бордовый халат с золотым шитьем, и велел привести мужика.

Тот вошел, и первое, что отметил граф, — звук шагов. Неровный, с прихрамыванием. Второе — рост. Мужик был высок. Пожалуй, даже слишком высок для простолюдина, словно природа ошиблась, отсыпав деревенщине лишние дюймы, предназначенные для благородных станом.

Одет он был отвратительно: потертый тулуп, из-под которого выглядывала грубая холщовая рубаша, на ногах — лапти, эти варварские плетенки, которые граф видел лишь на картинках в книгах о древних славянах. Лицо — загорелое, обветренное, но... граф невольно задержал взгляд. Что-то в этом лице было необычное. Глаза — серые, спокойные, без тени того подобострастного трепета, который обычно охватывал простолюдинов в присутствии его сиятельства.

— Ну-с, — произнес граф, откидываясь на спинку кресла. — Это ты, стало быть, из Простоков?

— Из Простоков, барин, — ответил мужик, и голос у него оказался глубокий, с хрипотцой, но не робкий. — Максимильяном кличут.

— Макси-миль-ян, — граф растянул имя, словно пробуя на вкус. — Ишь ты. А не жирно ли для лаптей-то? Может, лучше было бы Фомой или, скажем, Тихоном?

Мужик промолчал. В его серых глазах мелькнуло что-то, что граф не смог распознать. Ирония? Нет, не может быть. Простолюдины не способны на иронию, у них для этого слишком мало образования и слишком много грязи под ногтями.

— Ну и чего же тебе надобно, Максимильян из Простоков? — продолжал граф, поигрывая перстнем на мизинце. — Поглазеть на дворец? На хрустальные люстры? На позолоченную лепнину? Небось, в своей деревне и господского дома не видывал?

— Отчего ж не видывал, — спокойно ответил мужик, оглядывая зал. — Видывал. В Париже.

Граф замер. Перстень перестал вращаться на пальце.

— В *Париже*? — переспросил он, и в его голосе впервые прорезалась нотка неуверенности. — Ты? В Париже?

— И в Мадриде, — добавил мужик, разглядывая фреску на потолке с видом знатока. — И в Берлине. И в Варшаве, хотя там, признаться, было скучновато.

В зале повисла тишина. Лакей у двери, поймав взгляд графа, предусмотрительно сделал вид, что его здесь нет.

— Ты... — граф выпрямился в кресле. — Ты, я вижу, не только глуп, но и нагл. Каким образом, скажи на милость, простой крестьянин из Простоков мог оказаться в Париже, Мадриде и, — он задохнулся от возмущения, — *Берлине*?

— Так я ж не всегда крестьянином был, барин, — Максимильян переступил с ноги на ногу, и граф снова услышал этот скрип — неровный, раздражающий. — Я в мушкетерах служил.

— В *мушкетерах*?! — граф вскочил. — Это неслыханно! Мушкетер — это благородное звание! Ты хочешь сказать, что ты...

— Ну, я ж говорю, не всегда был мужиком. По молодости попал.

— И что же ты делал в мушкетерах? — граф уже почти кричал. — Чистил шпаги господам офицерам?

Максимильян поскреб затылок, и в этом жесте было столько деревенской простоты, что граф на мгновение усомнился в услышанном.

— Да нет, — ответил великан. — Я в строю был. Только со стрельбой у меня не заладилось. Совсем.

— Как это — не заладилось?

— А вот так. Пороху боюсь. Как выстрел — так я в сторону. Как ядро — так я в ров. Командир мой, господин капитан де Тревиль, бывало, рвал на себе волосы: «Максимильян! Ты же позор полка! Из тебя мушкетер, как из коровы балерина!» Ну, меня и перевели.

— Куда?

— В пикинеры, барин. К французской пехоте. Там стрелять не надо. Там пикой орудовать. А пика у меня, сами изволите видеть, — он развел руками, демонстрируя размах плеч, — получается знатно.

Граф опустил обратно в кресло. В его голове происходила сложная работа. Мушкетеры. Пикинеры. Французская пехота. Этот человек... деревенщина в лаптях... *служил во Французской армии?*

— Ты врешь, — сказал граф тихо, но уже без прежней уверенности.

— А зачем мне врать, барин? — Максимильтян пожал плечами. — Мне скрывать нечего. Я человек простой. Вот, гляжу на ваш потолок — красиво. А у нас в Простоках потолок из жердей. Зато небо видно. Тоже красиво.

— Помолчи, — оборвал его граф. — Ты... ты... — он запнулся, подбирая слова. — Если ты служил в мушкетерах, ты должен уметь читать и писать.

— Умею.

— *Что?!*

— Умею, говорю. Читать и писать. Меня один добрый аббат в детстве выучил. За кусок хлеба и крышу над головой.

Граф де Ламбер почувствовал, как мир под ним начинает качаться. Читать и писать. Крестьянин. Из Простоков. Умеет читать и писать. Это было... это было *неприлично*.

— И что же ты, — голос графа дрогнул, — *читаешь?*

— Да вот, пишу, барин. Книгу.

— Кни-и-и-гу-у, — протянул граф, и в этом протяжном звуке было смешение ужаса и глумления. — Какую же книгу может написать лапотник? «Трактат о правильном доении коров»?

Максимильтян улыбнулся впервые за разговор. Улыбка у него была открытая, светлая, и граф с раздражением отметил, что у него отличные зубы. Не гнилые, не черные, как полагалось бы деревенскому жителю, а ровные и белые.

— Про Императора Уриэля, — сказал великан.

— Про кого?

— Про Императора Уриэля. Справедливого. Я задумал утопический роман. О том, как он построил идеальное государство, где все равны перед законом. И где у каждого крестьянина — своя земля.

Граф рассмеялся. Смех у него был сухой, лающий, но в нем слышались нотки истерики.

— Утопический роман! О справедливом императоре! Написанный *крестьянином*! Об этом надо сообщить в Академию! Это же... это же анекдот для всего Версаля!

— Ну, — спокойно ответил Максимильтян, — до Версаля мне, положим, не добраться. Я человек занятой.

— Занятой! Чем же? Грядками с репой?

— Дом у меня не достроен. В Новом Свете.

Наступила пауза. Граф медленно поднял голову.

— В каком... Новом Свете?

— Под Бостоном, барин. Двухэтажный колониальный особняк. С верандой и садом. Море рядом. Климат, говорят, для старых костей — самое то.

— Под *Бостоном*? — граф произнес это слово так, словно это было ругательство. — У тебя? У тебя *дом*? В *колониях*?

— Выкупил, — просто ответил Максимильтян. — Деньги есть. За службу платили исправно. А еще король Фридрих Вильгельм, дай Бог ему здоровья, горгеру мне пожаловал. Белую. Из своих рук.

— К-к-какую горгеру? — заикаясь, спросил граф.

— Белую. Это знак особого отличия в «Синей гвардии». Меня туда за рост взяли. Там все — великаны под два метра. И я среди них, не поверите, не последним был.

У графа де Ламбера задрожали руки. «Синяя гвардия». Легендарные прусские гиганты, о которых ходили слухи по всей Европе. Личная гвардия короля Фридриха Вильгельма I, в которую отбирали самых высоких и сильных мужчин континента. И *этот*? В лаптях?

— Ты... — граф попытался встать, но ноги не слушались. — Ты хочешь сказать, что ты... ветеран «Синей гвардии»... и король Пруссии *лично*...

— Пожаловал мне горгеру, — подтвердил Максимильтян, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — И пожал мне руку. И сказал: «Максимильтян, с таким ростом и такой выправкой ты мог бы командовать батальоном». А я ответил: «Ваше Величество, я не рожден командовать. Я рожден писать книги. И строить дом у моря».

Граф молчал. В его голове происходило крушение всех представлений о мироустройстве. Аристократ, получивший от короля рукопожатие. Солдат элитной гвардии. Писатель. Владелец недвижимости в Новом Свете. И все это — в обличье нищего хромого крестьянина из Простоков.

— Но почему... — выдохнул граф. — Почему ты в таком виде?

Максимильтян улыбнулся снова, но теперь в его улыбке читалась мягкая, почти отеческая насмешка.

— А это, барин, мой последний урок.

— Урок? Кому?

— Вам, барин. И таким, как вы. Я ведь специально в этом наряде пришел. Хотел посмотреть, как вы меня встретите. И вы встретили.

Граф почувствовал, как краска стыда заливает его лицо. Впервые за сорок лет его сиятельство Анри-Клод-Филипп де Ламбер покраснел.

Глава 2. О том, как одна рана стоит дороже целого графства

Граф де Ламбер не сразу обрел дар речи. Он сидел в кресле, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники, и смотрел на стоящего перед ним человека так, словно перед ним материализовался призрак из старинного предания — не то великан из мифов, не то святой юродивый, решивший испытать гордыню смертного.

Максимильтян между тем, не спрашивая дозволения, прошел к окну. Его шаги по-прежнему были неровными: шаг — стук, шаг — скрип. Хромота бросалась в глаза тем сильнее, чем больше граф узнавал о своем госте.

— Вы сказали, у вас ранение, — произнес граф наконец, и собственный голос показался ему чужим. — Откуда?

Максимильтян повернулся. Солнце из окна осветило его лицо — и граф впервые заметил тонкий белый шрам, тянувшийся от виска к скуле, почти незаметный на фоне загара.

— При Мальплаке, барин, — ответил великан.

Граф вздрогнул. Мальплаке. Одна из самых кровавых битв Войны за испанское наследство. О ней говорили в салонах с благоговейным ужасом: сорок тысяч убитых и раненых за один день. Сам герцог Мальборо, по слухам, плакал, глядя на поле боя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.